

УДК 343.13

Р.Г. Зорин¹, В.С. Соркин²¹канд. юрид. наук, доц. каф. уголовного процесса и криминалистики
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы,²канд. юрид. наук, доц. каф. уголовного процесса и криминалистики
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРЕЗУМПЦИИ
НЕВИНОВНОСТИ, СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ОБЪЕКТИВНОЙ
ИСТИНЫ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ**

В статье рассматривается проблематика, связанная с изучением принципов уголовного судопроизводства (презумпция невиновности, состязательность и объективная истина). Показана их процессуальная взаимосвязь и взаимообусловленность. Подчеркивается мысль о переосмыслении некоторых постулатов уголовного судопроизводства в части объективной истины по уголовному делу.

Уголовное судопроизводство Республики Беларусь, равно как и УПК (Уголовно-процессуальный кодекс) Российской Федерации, к принципам (основным началам) уголовного судопроизводства относят такие принципы процесса, как презумпция невиновности, состязательности и объективной истины. Потребность в законодательном закреплении данных принципов обусловлена самой практикой развития уголовно-процессуального законодательства. Никто не будет отрицать того факта, что практическое применение данных принципов вызывает ряд трудностей, прежде всего в реализации задач уголовного процесса. В этой связи обратимся к исследованиям Ю.К. Якимовича, который вполне справедливо полагает, что с принятием нового УПК Российской Федерации в литературе велась дискуссия о состязательности вообще и в уголовном судопроизводстве в частности.

Многие ученые считают, что принцип состязательности распространяется на все стадии уголовного процесса и действует в том числе и в предварительном (досудебном) производстве. При этом зачастую состязательности придается не просто значимость одного из принципов, а некое свойство, якобы присущее современному уголовному процессу. Во многих работах прямо утверждается, что и уголовный процесс в России после принятия УПК из обвинительного (розыскного) перешел в состязательный. При этом часто ссылаются на Основной закон РФ, утверждая, что Конституция России 1993 г. распространяет состязательность (или принцип состязательности) на все стадии уголовного судопроизводства. Однако это не так. Для подтверждения проведем систематическое толкование нескольких норм Конституции РФ и не будем ограничиваться лишь ссылкой на ч. 3 ст. 123 Конституции. Действительно, в ней записано, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Но при этом в Конституции Российской Федерации понятие «судопроизводство» применяется в узком смысле, а именно как производство судей и судебное производство. В обоснование этого вывода следует обратиться к ст. 118 Конституции. Согласно ч. 1 этой статьи, «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом», а ч. 2 устанавливает, что «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

Известно, что в уголовно-процессуальной литературе понятия «уголовное судопроизводство» и «уголовный процесс» употребляются как синонимы. Это и служит основанием для ошибочного утверждения о том, что и в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации под термином «судопроизводство» подразумевается в целом весь процесс, в частности, уголовный. Однако это не так.

Обратимся теперь к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Понятие состязательности дано в ст. 15 УПК главы 2 «Принципы уголовного судопроизводства». Таким образом, состязательность сторон отнесена законодателем к принципам всего уголовного процесса. Однако проанализируем содержание этой статьи. Оно (а значит, и содержание состязательности) включает три элемента:

1) функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо;

2) суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты; он лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами своих обязанностей и реализации своих прав;

3) стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Все эти три элемента состязательности надо рассматривать именно в их единстве, а не только какой-то один из них в отрыве от других. При таком системном подходе становится очевидным тот факт, что в УПК Российской Федерации состязательность сформулирована именно для судебного уголовного процесса: стороны равны и перед судом; суд же является беспристрастным арбитром, разрешающим в судебном заседании спор между стороной обвинения и стороной и защиты.

В досудебном же производстве отсутствуют два из трех элементов состязательности. Во-первых, стороны абсолютно не равны между собой в процессуальных правах. Во-вторых, кто же является беспристрастным арбитром в споре между сторонами в предварительном производстве? Прокурор? Но ведь он по действующему УПК – сторона обвинения.

Абсолютно прав, на наш взгляд, Ю.К. Якимович и в таком своем утверждении: для того, чтобы состязательность на самом деле была реализована в досудебном производстве, необходимо либо лишить дознавателя, следователя предусмотренных УПК реальных полномочий по сбору доказательств, либо наделить точно такими же (равными) правами подозреваемого, обвиняемого, защитника. Вряд ли кто-либо из сторонников тотальной состязательности в уголовном процессе способен предложить такой вариант досудебного производства, при котором защитнику-адвокату и тем более обвиняемому позволялось бы проводить обыски, выемки, принудительно допрашивать и т.д. С другой стороны, можно смело утверждать, что лишение следователя полномочий по собиранию доказательств приведет к тому, что абсолютное большинство преступлений останется нераскрытыми. Не случайно же все государства континентальной Европы не отказываются от розыскных начал досудебного производства. И опыт Италии по замене розыскного досудебного процесса на англо-американский состязательный оказался неудачным [18, с. 527].

Что касается уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, то следует признать достаточно «умеренный», поэтапный характер его развития в данной части. Принцип состязательности (ст. 24 УПК Республики Беларусь) реализуется в рамках уголовного дела. Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что до окончательного его внедрения нужно время и изменение ментальности в деятельности органов уголовного преследования и суда. Трудно вести речь о состязательности в уголовном процессе, если не будет равных процессуальных возможностей по представлению доказательств защитником в уголовное дело. Об этом неоднократно указывали и авторы данной статьи, и ряд других процессуалистов.

Примечательно, что и практические работники органов уголовного преследования не обошли стороной данную проблематику. Так, А. Шимко, старший инспектор управления Следственного комитета Республики Беларусь по Гродненской области, предлагает внести изменение в ст. 104 ч. 1 УПК Республики Беларусь в части проверки до-

казательств по уголовному делу. По его мнению (предложение далеко не бесспорное, но заслуживающее внимания), защитник выступает субъектом доказывания и наряду с органами уголовного преследования, и судом также должен тщательно проверять собранные по делу доказательства [17, с. 42].

В отношении принципа презумпции невиновности отметим следующее. Презумпция невиновности отвергает обвинительный уклон во всех формах его проявления и служит важной гарантией права обвиняемого на защиту. Обвиняемый наделяется правом защищаться от предъявленного обвинения именно потому, что до вступления приговора в законную силу он считается невиновным. Презумпция невиновности освобождает обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность, препятствует переоценке сознания обвиняемого (ст. 16 УПК Республики Беларусь) и действует независимо от того, признает ли он себя виновным [10, с. 101]. Презумпция невиновности служит не только гарантией для обвиняемого от необоснованного обвинения и осуждения. Ее требования о несомненной доказанности обвинения и истолковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого нацеливают органы государства на объективное, беспристрастное установление обстоятельств дела, без чего невозможно обоснованное и справедливое решение дела судом. Малейший отход от принципа презумпции невиновности ведет к нарушению законности в правосудии и ущемлению прав и законных интересов граждан [10, с. 101].

Презумпция невиновности в ее объективной трактовке является важным регулятором уголовно-процессуальных отношений, определяющих процессуальное положение обвиняемого, права и обязанности органов, ведущих борьбу с преступностью. В такой трактовке презумпция невиновности означает «не субъективное мнение участника процесса о виновности обвиняемого, а объективное правовое положение: закон считает обвиняемого невиновным, пока те, кто считает обвиняемого виновным, не докажут, что он действительно виновен» [10, с. 102].

Полагаем целесообразным более подробно поделить некоторые соображения в части анализ термина «истина» в уголовном судопроизводстве. Вопрос об установлении истины по уголовному делу на протяжении длительного времени является основным (краеугольным) понятием теории доказательств. Несмотря на различные научные суждения и концепции по данному вопросу процессуалисты единодушны в требовании установления истины по уголовному делу. Вместе с тем в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, а именно в УПК РФ, вообще не упоминается понятие истины, а также гарантии ее установления. Исключены требования всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (в отличие от ст. 18 УПК Республики Беларусь). Следует отметить, что ряд представителей Иркутской уголовно-процессуальной и криминалистической школы занимались исследованиями подобной проблематики. Это прежде всего Д.А. Степаненко, Н.Н. Китаев, В.И. Шиканов, А.К. Протасевич, А.Н. Копылова.

Процесс установления истины в уголовном судопроизводстве необходимо рассматривать в соответствии с положениями теории познания, являющейся разделом философии, изучающей проблемы природы, познания и его возможностей, отношение знания к реальности, исследующей всеобщие предпосылки познания и выделяющей условия его достоверности и истинности.

В теории доказательств еще с советских времен используется термин (категория) «объективная истина». По мнению Л.Т. Ульяновой, под объективной истиной понимается соответствие наших знаний о мире объективной реальности. Вопрос об объективной истине – это вопрос о соответствии мысли о предмете самому этому предмету, существующему в действительности независимо от сознания познающего этот предмет человека [16, с. 24]. Отдавая должное философской составляющей данного опреде-

ления, отметим, что в уголовном деле исследуются события, которые имели место в прошлом. Следовательно, наши знания об объективной реальности происшедшего могут носить оттенок некоторой относительности. Это вовсе не означает, что мы категорически отвергаем терминологию «объективная истина». Полагаем целесообразным еще раз обратиться к научным подходам применительно к обозначенному термину.

Ряд процессуалистов (С.А. Пашин [13, с. 67], В.В. Никитаев [8, с. 251], В.В. Золотых [4, с. 94]) утверждают, что объективная истина есть юридическая фикция. Следует акцентировать внимание не на цели доказывания, а на процедуре, так как по уголовному делу должна достигаться процессуальная истина, отражающая только те сведения, которые облечены в определенную форму и содержатся в материалах дела. Но вряд ли можно согласиться с такой трактовкой. Абсолютно права Л.Т. Ульянова, которая утверждает, что «при такой трактовке истины выхолащивается ее материальная основа – соответствие устанавливаемых обстоятельств дела реальной действительности» [16, с. 25].

Для обозначения истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве, многие процессуалисты ([11, с. 308–309; 3, с. 48–49; 15, с. 21]) употребляли термин «материальная истина». Объясняя правомерность использования этого термина, М.С. Строгович писал: «Материальной истиной в уголовном процессе называется полное и точное соответствие объективной действительности выводов следователя и суда об обстоятельствах рассматриваемого и разрешаемого дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц. Материальная истина – это объективная истина... Понятие материальной истины в уголовном процессе есть применение философского общего понятия объективной истины к познанию тех фактов, событий, которые составляют специальную область судебного разбирательства по уголовным делам». Данные суждения вызвали определенные дискуссии. Основные возражения сводились к тому, что истина в уголовном процессе не является каким-то особым видом истины. Мы разделяем данный подход, который имеет место в юридической науке. Если материальная истина – это объективная истина, то не надо вносить путаницу в теорию и практику [2, с. 60].

Итак, еще раз зададимся вопросом: «Какая истина (материальная или формальная, субъективная, абсолютная или относительная) должна быть в уголовном деле?». Однозначного ответа на данный вопрос мы вряд ли получим. Некоторые юристы полагают, что неоправданно применять категории абсолютной и относительной истины к результатам судебного познания. Разграничение этих понятий применимо только в научном познании. Постановка вопроса в науке уголовного процесса о том, является ли установление судом истины абсолютной или относительной, по мнению М.Л. Якуба, является неправильной [19, с. 104, 109]. Другие полагают, что в уголовном судопроизводстве устанавливается абсолютная истина [11, с. 316–317; 9, с. 223; 2, с. 68]. Отстаивая эту точку зрения, М.С. Строгович констатирует, что «материальная истина в уголовном процессе может быть абсолютной истиной, или она вообще необъективная истина, а лишь догадка, вероятное предположение, гипотеза, версия, которые никак не могут быть основой судебного приговора. Если суд нашел истину – это истина абсолютная. Объективная материальная истина в уголовном процессе есть истина факта [11, с. 316].

Существует также мнение о том, что истина в уголовном процессе есть относительная истина, поскольку пределы ее познания ограничены задачами познания и обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу [6, с. 10]. Наконец, ряд правоведов утверждают, что истина в судебной деятельности является одновременно абсолютной и относительной [15, с. 116; 1, с. 57–59]. «Объективная истина, на достижение которой направлены усилия следственных органов и суда, – пишет В.Я. Дорохов, – является истиной абсолютной и одновременно в силу неполного и неконкретного познания явления выступает как истина относительная» [14, с. 59].

Множественность мнений по данному вопросу предполагает рассмотрение упомянутой проблематики с позиций прежде всего гносеологии (науки познаваемости мира). В этой связи И.Г. Субботина отмечает, что истина не может быть познана без уяснения самого соответствия, но такое знание с закономерностью стало бы суждением. Вместе с тем истина рассматривается как отождествление с суждением самого предмета суждения. Объективно происходит отождествление одного суждения с другим. Высшим критерием истины по-прежнему остается объективное бытие [12, с. 55]. В продолжение данной мысли И.Б. Лимонов констатирует, что само понятие «истина» (истинность) касается не объекта познания, а знания, покоящегося в психических формах субъекта... Таким образом, речь должна идти об истинности психики. То есть в оценке субъектно-объектных отношений мы смещаемся к оценке свойств психических явлений субъекта – свойств тех явлений, которые по определению именуются субъективными. Объективность истины – гносеологическая объективность [7, с. 14].

По мнению Р.Г. Зорина, предусмотренные уголовно-процессуальным законом задачи (например, привлечение виновных к уголовной ответственности, ограждение невиновных от привлечения к уголовной ответственности) вполне отвечают требованиям, предъявляемым к условиям установления объективной истины. Данные задачи могут быть разрешены не только с момента вступления приговора в законную силу, но и на досудебных стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Понятно, что сторона защиты не рассматривает уголовный процесс в качестве инструмента привлечения виновных к уголовной ответственности. Из смысла функции защиты ее стремления сводятся, наоборот, к ограждению невиновных от привлечения к уголовной ответственности, установлению смягчающих вину обстоятельств, а также установлению недоказанности участия подзащитного в совершении преступления. С этой точки зрения сторона защиты не ставит перед собой цели установления объективной истины по уголовным делам. Стороны защиты и обвинения в процессе познания и достижения объективной истины существенно расходятся [5, с. 10–11].

«Постижение абсолютной истины в уголовном процессе довольно проблематично. Это становится возможным лишь путем познания и установления множества фактов и сведений о них в их достаточной совокупности, относящихся к событию преступления, путем установления всех значимых причинно-следственных и пространственно-временных связей. Их исключение в соответствии с принципом презумпции невиновности повлечет за собой возникновение сомнений в истинности у субъектов доказывания, неполноту знаний об исследуемом событии, что также противоречит принципам всесторонности, полноты и объективности исследования доказательств, оценки доказательств по внутреннему убеждению, законности. Таким образом, в уголовном процессе разумно вести речь о совокупности истин как результатах познавательной деятельности о фактах исследуемого события преступления и его процесса расследования. Путь к истине многолик. Он целиком и полностью зависит от поставленных целей и задач перед субъектами, участвующими в уголовном процессе, а также от правового происхождения средств и способов доказывания» [5, с. 10].

На наш взгляд, по результатам исследования в данной части можно прийти к выводам, что наличие абсолютной и относительной истины – это характеристики объективной истины (ст. 18 УПК Республики Беларусь), а также абсолютная и относительная истины – это два составных элемента объективной истины, которые носят познавательный характер. Кроме того, обстоятельства совершенного преступления в уголовном процессе устанавливаются в точном соответствии с тем, что имело место в действительности. Вместе с тем специфика познания в уголовном процессе (определенные законом предмет доказывания, средства, способы, время расследования и рассмотрения дела) позволяет говорить о том, что органы предварительного расследования и суд познают

не все, что так или иначе связано с преступлением, а лишь существенные стороны этого события, позволяющие раскрыть преступление, установить виновных и применить справедливое наказание. Ни следователь, ни суд не обязаны детально выяснять все обстоятельства дела, несущественные для решения задач уголовного судопроизводства. Эти органы, к примеру, не обязаны точно устанавливать рост преступника, его родословную, количество бранных слов, произнесенных преступником и т.д., если они несущественны для дела. Отсюда следует, что наши знания о преступлении будут относительными. При этом относительная истина, познаваемая в процессе, – это объективная истина, правильно отражающая явления объективного мира. Вместе с тем относительная истина содержит частичку абсолютной истины. «Частицы» абсолютной истины – это установление всех обстоятельств, с наличием которых законы связывают определенные правовые последствия. Истина конкретна. Поэтому установление абсолютно-относительной истины возможно лишь в отношении конкретных фактов и нормативных актов, определяющих юридическую значимость этих фактов.

Важное значение в установлении истины по уголовному делу имеет порядок судопроизводства, профессиональные и личностные качества судей, прокуроров, следователей, дознавателей. Обязательное соблюдение прав и свобод человека и гражданина, точное исполнение требований закона в части реализации процесса доказывания (собираение, проверка и оценка доказательств) являются гарантией установления истины по уголовному делу. Также нельзя исключать практическую деятельность органов следования и суда, которые в данном случае будут являться критерием истины.

Таким образом, изложенное позволяет прийти к следующим выводам.

1. Реализация принципов состязательности и презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь и Российской Федерации требует постепенной осмысленной направленности.
2. Понятие процессуальных презумпций – это гарантированное требование законодательства, которое необходимо строго и неукоснительно соблюдать в процессе судебного и судебного производства.
3. Очевидна необходимость переосмысления некоторых постулатов уголовного судопроизводства в части равенства сторон в процессе установления объективной истины по делу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выступление Ф. И. Георгиева и И. С. Карского на симпозиуме философов и юристов, посвященном проблемам объективной истины в уголовном процессе // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8. Экон., филос. – 1963. – № 4. – С. 57–59.
2. Горский, Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькинд. – Воронеж, 1978. – 296 с.
3. Дорохов, В. Я. Обоснованность приговора / В. Я. Дорохов, В. С. Николаев. – М., 1959. – 236 с.
4. Золотых, В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В. В. Золотых. – Ростов н/Д., 1999. – 288 с.
5. Зорин, Р. Г. В поисках пути к истине в уголовном судопроизводстве / Р. Г. Зорин // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2011. – № 1. – С. 10–11.
6. Кукаров, Л. Н. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе / Л. Н. Кукаров // Социалистическая законность. – 1952. – № 2. – С. 7–15.

7. Лимонов, И. Б. Проблемы истины в философии науки. Истина и субъективность: учеб. пособие / И. Б. Лимонов, И. В. Мартынычев, А. И. Синюк. – Альметьевск, 2004. – 54 с.
8. Никитаев, В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление / В. В. Никитаев // Состязательное правосудие. Труды науч.-практ. лабораторий. – М., 1996. – С. 251–308.
9. Перлов, И. Д. Приговор в советском уголовном процессе / И. Д. Перлов. – М., 1960. – 263 с.
10. Соркин, В. С. Источники доказательств как средство установления истины по делу в уголовном судопроизводстве : монография / В. С. Соркин. – Гродно : ГрГУ, 2012. – 127 с.
11. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – Т. 1. – 470 с.
12. Субботина, И. Г. Нравственные начала предварительного расследования : учеб. пособие / И. Г. Субботина. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. – 157 с.
13. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / ред. колл.: Л. М. Карнозова (отв. ред.) [и др.] ; Международный комитет содействия правовой реформе. – М., 1995. – 384 с.
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – М., 1973. – 736 с.
15. Трусов, А. И. Основы теории судебных доказательств / А. И. Трусов. – М., 1960. – 176 с.
16. Ульянова, Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учеб. пособие / Л. Т. Ульянова. – М. : Городец, 2008. – 176 с.
17. Шимко, А. О праве защитника представлять доказательства в уголовном процессе / А. Шимко // Законность и правопорядок. – 2014. – № 1. – С. 42–44.
18. Якимович, Ю. К. Избранные труды / Ю. К. Якимович. – СПб., 2011. – 772 с.
19. Якуб, М. Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / М. Л. Якуб. – М., 1960. – 171 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.01.2015

Zorin R.G., Sorkin V.S. Procedural Interrelation and Interconditionality of the Principles of Presumption of Innocence and Competitiveness in Criminal Legal Proceedings

In the article the perspective connected with studying of the principles of criminal legal proceedings (innocence and competitiveness presumption) is considered. Their procedural interrelation and interconditionality is shown. The thought of reconsideration of some postulates of criminal legal proceedings regarding an objective truth on criminal case is emphasized.